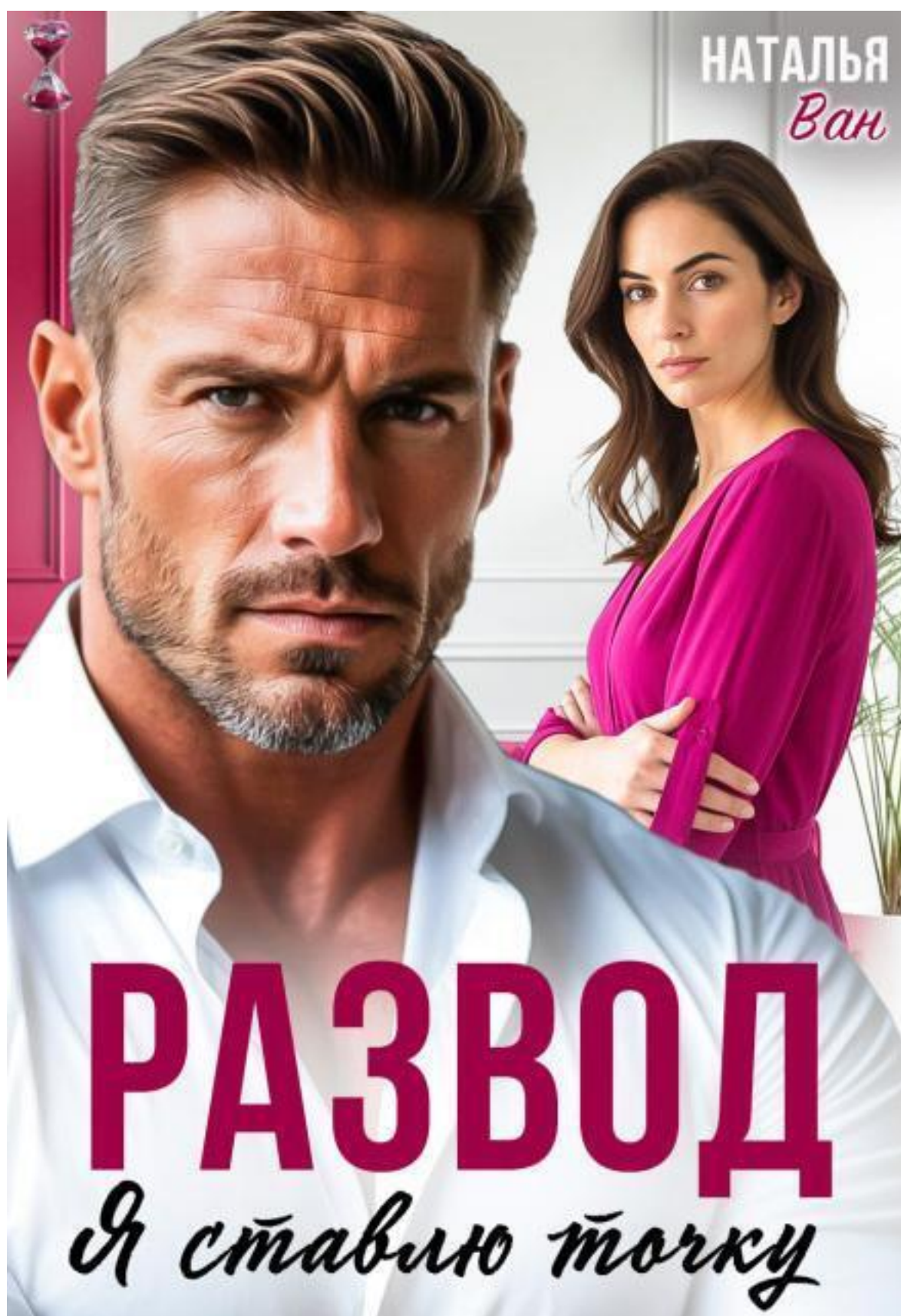

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

Я ставлю точку

Наталья Ван

Развод. Я ставлю точку

«Литнет»

2026

Ван Н.

Развод. Я ставлю точку / Н. Ван — «Литнет», 2026

— Дай мне еще один месяц, — спокойно говорит мой муж.— Я жду уже три года, Вань. У нас двойня родилась. Я хочу ясности в наших отношениях, — отвечает ему незнакомый женский голос.— Лиля, родная, я скоро всё решу. Подожди ещё немного. Ты же не думаешь, что я останусь со своей бракованной женой после того, как она не смогла родить мне даже одного ребёнка?Моя мама оказалась на грани жизни и смерти, но вместо поддержки муж решил меня добить и потребовал подписать заявление на развод прямо под дверью операционной. Он надеялся, что так сможет меня сломить, но он ещё не подозревает, что единственный, кто здесь будет страдать, это он сам.Книга участвует в литмобе «Между прошлым и будущим»;

© Ван Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Визуализация героев	9
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Вика

Я сижу в пустом коридоре больницы, насквозь пропитанным запахом антисептика. Снова. Руки слегка дрожат.

— Дай Бог, все обойдется, — пытаюсь успокоить себя, но мысли путаются. — Вика, соберись. Врач сказал, что операция несложная, и всё будет хорошо.

Но почему тогда моё предчувствие отбивает бешеную дробь, а гулкое тиканье часов сводит с ума?

Я не могу больше сидеть на месте. Встаю, начинаю ходить туда-сюда, по этому казенному линолеуму. Так чуть спокойнее. Поднимаю глаза на световое табло над дверью в операционную.

“ИДЁТ ОПЕРАЦИЯ”.

Красный свет, как предупреждение. Как какое-то странное предзнаменование, которое я еще не успела разгадать.

Из-за угла появляется тётя Лида, подруга мамы. Её лицо при виде меня озаряется удивленной улыбкой.

— Ой, Викуля! Знаешь, а я увидела тебя еще когда на уколы шла. Но подумала, привиделось, а ближе подошла — точно ты. А ты здесь какими судьбами-то уже? Когда тебя выписать успели, что ты сразу сюда рванула?

Я смотрю на неё, медленно соображая.

— Здравствуйте, тетя Лида. Откуда меня должны были выписать?

— Как откуда? Из роддома! — тетя Лида хитро подмигивает. — И ведь молчали, партизаны, до последнего. А Ванечка где? С детишками остался, наверное?

В голове будто что-то щёлкает, ломается.

— Теть Лид, вы о чём? Какие детишки? Какой роддом?

— Милая, не волнуйся, я всё понимаю, — она гладит меня по плечу, но её прикосновение начинает слегка раздражать. — У тебя, наверное, нервы, всё смешалось в голове. После родов-то.

Я отстраняюсь. Смотрю на нее, не понимая, у кого еще здесь все перемешалось в голове.

— Не волнуйся, я приберегу этот секрет для твоей мамы. Вот выпишут ее, сама все ей расскажешь. Порадуешь ее, а я пока рот на замок.

Внутри всё закипает. Страх за маму и эта нелепая, пугающая болтовня создают в голове вихорь мыслей, которые отказываются приходить в хоть какой-то порядок.

— Теть Лида, хватит говорить загадками. О чём я сказать-то должна? Какие роды? — голос срывается, я теряю последние капли терпения. И так вся на взводе, а тут еще эти секретики, как в детском саду.

Тетя Лида наконец-то замечает мое состояние. Ее улыбка тускнеет.

— Да о чём, о чём... Встретила я твоего мужа в роддоме на днях, пока полы там мыла. Он и похвастался, что вы везде успели и двойню успели заделать, и вот к маме ты уже прискакала.

Слово “двойня” повисает в воздухе тяжелым, ядовитым шаром. У меня перехватывает дыхание.

— Двойню? — выдавливаю я.

— Да ладно тебе, я не глазливая, не сглажу вашу малышню. Не бойся, — тетя Лида машет рукой, но я уже вижу в ее глазах растерянность и зарождающееся понимание собственной ошибки. — Знаешь, а вот мне интересно, в кого у вас так вышло? У матери твоей никого не было в родне, чтоб двойня... По мужу, наверное, да?

— По мужу? — голос начинает срываться на хриплый шепот.

— А она ведь не лучше вас! — не успокаивается тетя Лида. — Молчала, скрывала от меня такую новость, словом даже не обмолвилась. Вот очухается, и всё ей выскажу!

— Какая двойня, тетя Лид? — мой голос звучит тихо и сбивчиво. — Я не беременна. И не была. У нас только Матвей и Ариша.

Её лицо меняется. Румянец сходит, остается серая бледность.

— Да что ж ты такое говоришь-то? Сплюнь! Я ж сама с твоим мужем разговаривала. Он с такой гордостью мне сообщил, что двойня родилась. Сиял весь, или...

Она резко замолкает. Глаза расширяются, в них мелькает ужас, сострадание и паническое желание забрать все сказанные слова назад.

— Ой... горе-то какое, — она закрывает рот ладонью, отступает на шаг. — Милая... Викулечка... Ты мои слова к сердцу-то близко не принимай, ладно? Я ж уже в возрасте, спутала, поди, чего... Может, и не твой муж это был... Куда уж мне в мои-то годы? Точно! Вот я теперь прям уверена, что спутала!

Она виновато пятится назад, бормочет что-то ещё, но я её уже не слышу.

Ваня. Роддом. Двойня.

Сначала шок, ледяной и всепоглощающий. Потом единственная здравая мысль в и без того перегруженной эмоциями голове:

“Она правда могла спутать”.

Но она говорила так чётко: “встретила твоего мужа”, “похвастался”, “сиял”.

Фразы врезаются в сознание, как осколки стекла. Я гоню их прочь, но они возвращаются снова и снова, смешиваясь со страхом за маму. Он становится осязаемым, двойным. Давит на виски, сжимает горло.

Достаю телефон, чтобы позвонить мужу, рассказать об этой “глупости”, как из-за дверей операционной доносится приглушенный, но резкий, тревожный звук сирены. Потом ещё один. За стеклянной дверью мелькают тени в зелёной одежде, слышатся сдержанные, но быстрые голоса, топот ног. Мое сердце падает куда-то в бездну.

Кто-то из медперсонала выскакивает наружу, я бросаюсь к нему, хватая за рукав халата.

— Что случилось? У неё же плановая...

Мужчина, молодой и очень бледный, сбрасывает с себя мою руку.

— У пациентки остановка сердца, прошу, не мешайте! — он убегает. Его слова гудят в ушах.

Остановка сердца. И, кажется, не только у нее.

Глава 2

Вика

У меня подкашиваются ноги. Истерика поднимается комом и рвётся наружу рыданиями. Я в панике хватаю телефон, трясущимися пальцами набираю Ване. Он отвечает только на четвёртый гудок.

— Да? — слышу его раздраженный голос.

— Ваня... Мама... В операционной что-то случилось... Они говорят остановка сердца, — мой голос срывается на всхлип.

— Вика, сколько уже можно? Я на работе.

— Вань...

— Ладно. Сейчас буду. Все равно хотел поговорить.

Он бросает трубку. Холодно. Раздраженно. Будто я отвлекла его от важного дела какой-то мелочью. В ушах звенит от его тона и от тревожной сирены внутри.

Слова тёти Лиды тонут в этом леденящем ужасе. Я прижимаюсь лбом к холодной стене, не в силах плакать, просто задыхаюсь.

Я не знаю, сколько проходит времени. Минуты, часы. Всё смешалось. Никто не выходит. Я уже почти не чувствую своего тела, только всепоглощающий страх.

И вот, наконец, шаги. Быстрые, знакомые. Поднимаю голову. Ваня. Мой муж. Он идёт по коридору, не бежит. Лицо не выражает ни тревоги, ни сочувствия. Только напряженное раздражение.

Я делаю шаг к нему, ищу в его глазах опору, хоть каплю тепла.

— Вань..., — бросаюсь я в его сторону, но он останавливается прямо передо мной, не пытаясь обнять.

— Твоя мать вечно оказывается в больнице в самый неподходящий момент, — шипит он так тихо, что его могу расслышать только я. Но каждое слово отпечатывается на сердце кислотным клеймом. — Давно бы умерла и не мучала остальных.

Я отшатываюсь, словно получила пощечину. Не могу дышать. Он никогда... Никогда так не говорил о ней. Даже в самых жестоких наших ссорах из-за ее состояния, а сейчас... когда она на грани...

Он подходит ближе ко мне и суёт в руки синюю картонную папку.

— Что это? — мой голос больше похож на хриплый шепот, срывающийся от слез, от непонимания, от его удара, который я ещё даже не осознала до конца.

— Открой и посмотри.

Механически, пальцами, которые почти не слушаются, я открываю папку. Внутри несколько листов. Взгляд цепляется за самый первый с заголовком, выделенным жирным курсивом: “Заявление о расторжении брака”.

Внизу уже стоит размашистая, уверенная подпись и расшифровка: Карпин Иван Владимирович.

Я не просто замираю. Я забываю, как дышать, как говорить и как моргать. Все до единого базовые действия мгновенно покидают меня. Единственное, что я чувствую, это как бумага жжет пальцы.

— И долго ты ещё будешь так стоять, словно тебя цементом залили? — его голос холоднее льда. В нём нет ничего, кроме раздражения.

— Ч-что это? — мой голос хрипит, когда я обретаю способность говорить.

— А ты не видишь? Или читать разучилась?

— Я вижу, но... но...

— Что “но”, Вика?! — рычит он, теряя последние крохи терпения. — Тут, вроде, всё ясно написано. Я приехал сюда не для того, чтобы вытирать тебе слезы, и в очередной раз слушать о твоей матери. Я приехал за твоей подписью.

— Подписью..., — повторяю я тихо, всё ещё не веря в происходящее. — Ты... подаешь на развод? Почему? — я поднимаю на него глаза.

В его взгляде нет ни капли сожаления. Только холодная, окончательная решимость. Я моргаю и понимаю, что у меня нет слез. Кажется, они все были потрачены на переживания о маме, и сейчас его слова и действия как пустой звук в и без того пошатнувшемся мире.

— А на что ещё это похоже? — он презрительно усмехается. — Давай. Поставь свою подпись, и я уйду. У меня ещё дела на работе.

Он ждёт. Ждет моих слез, истерики, униженных просьб? Или ему нужна только моя подпись?

Я смотрю на него и внутри меня всё замерзает, каменеет. Его ожидание висит между нами тяжёлой, нелепой паузой. Он, теряя терпение, резко тычет пальцем в нижнюю часть листа.

— Подпиши. Вот здесь. Не видишь, что ли, где твоя строка? И давай договоримся не выносить друг другу мозг. У меня есть более важные заботы.

Эти слова: “новые заботы”, выводят меня из ступора. Я смотрю на него и говорю тихо, но четко.

— Подписать? Хочешь, чтобы я подписала это? — я с оглушающим, почти театральным хлопком закрываю папку.

— Именно. Рад, что до тебя дошло.

“Дошло”. Ещё как дошло.

Я смотрю на этого незнакомца, которого считала своим мужем, и внутри меня растворяется всё, что я считала любовью.

Он стоит и с высокомерием, смотрит на меня в тот момент, когда я наиболее уязвима, когда на кону жизнь моей мамы, и тычет мне в лицо какой-то бумажкой?

И дело даже не в тете Лиде и ее странных намеках. Дело в этом. В его отношении. Здесь и сейчас. Ко мне. К моей маме. К тому, что происходит вокруг.

— Я не подпишу, — произношу я прежде, чем успеваю подумать. Голосовые связки в компании с окаменевшим разумом работают быстрее инстинкта самосохранения.

— Что ты сказала? — его шипение становится опасным.

— То, что ты слышал. Я не подпишу эти бумаги. Ясно тебе?

— Вика! Прекрати устраивать сцены! — он повышает голос, и несколько проходящих мимо пациентов оборачиваются. — Не унижайся. Подпиши и будешь свободна.

Во мне появляется сталь. Холодная, негнущаяся. Я делаю шаг к нему, сокращаю дистанцию до минимума. Беру папку, и с силой, но не для удара, а чтобы вернуть, прижимаю её к его груди. Он инстинктивно хватается её.

И я тихо, почти по слогам, произношу так, чтобы слышал только он:

— Там, за дверью операционной, лежит моя мама и борется за свою жизнь. А ты приходишь сюда и говоришь мне о разводе?

— Вика, немедленно...

— Убирайся, — перебиваю его, не давая договорить. — Сейчас же. Иначе я позову охрану и скажу, что ты угрожаешь больной женщине в операционной и её дочери. Как думаешь, они будут разбираться?

— Вика!

— Я сказала, нет! — мой голос гремит по пустым коридорам.

Ваня сжимает челюсти. Смотрит на меня с ненавистью. Я должна сейчас его бояться, но адреналин в моей крови заглушает это чувство. Не сейчас. Нельзя. На кону куда более важные вещи, и я не позволю ему сломать меня.

Визуализация героев

Представляю вам, нашу Викторию. Все же знают, что означает ее имя?

Ну, тут все понятно. Ваня. И в нашем случае Иван ду... думаю, вы все поняли.
Он крайне недальновидный, и непредусмотрительный мужчина (если его вообще можно так назвать после его поступка).Его ждет много "интересного" к чему он точно будет не готов, но жизнь, как правило, самый лучший учитель!)))

Глава 3

Вика

Он, удивлён, даже ошеломлен такой реакцией. Он отступает на шаг. В его глазах мелькает не понимание, а чистая злость и досада. Он что-то хочет сказать, сжимает папку так, что мнёт картон, но... разворачивается и идёт прочь. Быстро. Не оглядываясь.

Звук его отступающих шагов по казенному линолеуму — последний гвоздь, забивающий крышку гроба над всем, во что я верила.

Я прислоняюсь к стене и медленно сползаю на холодный пол. И вот теперь, когда он ушёл, когда некому больше показывать эту сталь, из глаз наконец текут слёзы. Опоры не осталось. Я буквально сползаю по холодной стене. Шершавая штукатурка цепляется за кофту. Ноги мгновенно подкашиваются, становятся ватными, не моими.

Перед глазами плывут черные точки, множатся, сливаются в сплошную пелену. Весь мир теряет четкость, краски, звуки. Шум в ушах нарастает, превращаясь в оглушительный вой сирены, смешанный с биением собственного сердца, которое, кажется, вот-вот вырвется из груди.

Мама. Развод. Двойня.

Тело, доведенное до предела страхом за маму и леденящим предательством мужа, объявляет забастовку. Системы одна за другой отказывают. Воздух становится густым, как кисель, его не хватает.

Всё плывёт. Я теряю равновесие, беспомощно хватаясь пустым жестом за воздух, но вокруг ничего, за что можно уцепиться. Где-то издалека доносится чей-то встревоженный крик, женский, может, это тетя Лида, а может, и нет.

Я уже не различаю. Чувствую, как заваливаюсь на бок, но это не стремительное падение, а медленное, тягучее. Потом состояние невесомости, словно я парю над землей. И на меня накатывает темнота. Полная, всепоглощающая, тихая. Я перестаю существовать.

Я смотрю на себя. Маленькая, лет семи, в майке и шортиках, ревущая навзрыд посреди лесной тропинки.

— Больно! — кричу я, упиваясь слезами. Коленка разбита в кровь, на нее налипли травинки и земля.

— Где больно? Покажи-ка.

— Вот тут! — тычу пальцем, и слёзы текут еще сильнее.

Мама присаживается на корточки, её лицо излучает нежность и участие, без тени раздражения. Она внимательно изучает рану.

— Ой-ой-ой, — говорит она с серьёзной интонацией. — Да разве же это больно? Это же ерунда. Смотри, мы с тобой поколдуем.

Она оглядывается, срывает первый попавшийся одуванчик, его белая пушистая головка кажется волшебной. Мама водит им вокруг ранки, ее губы шевелятся в беззвучном заклинании. Я, затаив дыхание, слежу за каждым её движением, уже почти забыв про слезы. И не сомневаясь ни секунды в ее магии.

— И... раз! — она резко дует мне прямо в лицо, и пушинки одуванчика щекочут нос.

Я моргаю. И правда. Боль как рукой снимает. Вернее, маминым дуновением. На её лице торжествующая улыбка.

— Видишь? Всё прошло. Мама всегда поможет.

Картинка дрожит и сменяется, как в старом кинопроекторе.

Мне пятнадцать. Комната завалена одеждой, музыка гремит из колонок. Я ураган из обид и максимализма.

— Я тебя ненавижу! Ты ничего не понимаешь! Ты разрушаешь мою жизнь! — кричу я и хлопаю дверью так, что стекла дребезжат. Я готова к ответной буре, к скандалу, к крикам, к чему угодно, только не к тому, что происходит.

Через пять минут она стучит в дверь. Не вламывается, не кричит. Стучится.

— Вика? Можно?

Я бурчу что-то невнятное. Мама заходит. У неё в руках две кружки, от которых идет пар и сладкий запах какао. Она ставит одну мне на стол, рядом с грудой учебников, садится на край кровати, аккуратно отодвигая мой рюкзак.

— Давай просто посидим, — говорит она так тихо, что музыку приходится выключить. — Кричать не будем. Давай ты расскажешь, что случилось. А я просто послушаю.

И я, все еще фыркая, сжавшись в комок обиды, начинаю выкладывать. Сначала отрывисто, потом быстрее, слова вырываются наружу, смешанные со слезами злости. А она сидит и слушает. Гладит меня по волосам, по спине. Её пальцы тёплые, тяжёлые, успокаивающие. В её глазах нет осуждения, нет раздражения. Только усталость, бесконечное понимание и та самая любовь, которая принимает меня любую, даже самую колючую и невыносимую.

Резкий переход. Три года назад. Кабинет врача. Стеллажи с книгами, модель скелета в углу. Запах антисептика тот же, что и сейчас. Мама сидит на стуле, прямая, как струна, а я рядом, держу её руку. Её пальцы холодные. Мои ледяные.

Врач, немолодой мужчина, говорит что-то размеренно, глядя то в бумаги, то на нас. Слова доносятся обрывками:

“...возрастные изменения...”, “...стеноз...”, “...рисковать не стоит...”, “...признаки деменции...”, “...плановое оперативное вмешательство... в обозримом будущем...”.

Каждое слово как удар молотка по стеклу. Трещины бегут по моему внутреннему миру с тихим звоном.

Выйдя из кабинета, мы оказываемся в пустом больничном коридоре. Мама всё так же держит мою руку, но теперь она кажется хрупкой. И я понимаю, что она не просто моя мама, сильная и вечная, а человек. Слабый, смертный человек. И этот человек может... Его может не стать.

Истерика поднимается из самой глубины, срывается с цепи. Я рыдаю прямо там, уткнувшись лицом в её плечо, хватая ртом воздух, сотрясаясь от рыданий. Мне не стыдно, нет мыслей о посторонних. Есть только животный, всепоглощающий ужас.

— Всё хорошо, доченька, всё хорошо, — шепчет она, обнимая меня, гладит по голове. Её голос дрожит, но в нём то самое знакомое с детства спокойствие. — Я сильная. Мы справимся. Я ещё правнуков нянчить буду. Успокойся, солнышко.

Вечером дома, когда мама, сделав вид, что устала, и ушла в свою комнату, я рыдаю снова. На кухне, в полутьме, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки. Ко мне заходит Ваня. Не спрашивает ничего, просто подходит, обнимает сзади, прижимает к себе. Его запах привычный, безопасный.

— Что случилось, Викусь? — спрашивает он тихо.

Я, захлебываясь слезами, выпаливаю всё про диагноз, про операцию, про страх.

Он разворачивает меня к себе, берет мое лицо в свои руки, заставляет посмотреть в глаза. Его взгляд твердый, уверенный, как скала.

— Слушай меня, — говорит он, вытирая большими пальцами мои слёзы. — Всё будет хорошо. Ты не одна. Мы справимся. Вместе. Ты, я, Матвей, Ариша. Мы же семья. Я буду вам помогать, чем смогу. Деньгами, если надо, временем, поддержкой. Твоя мама боец. И ты боец. Мы всё преодолеем.

Его слова кажутся не просто утешением. Они словно клятва. Тёплый, непробиваемый щит, за которым можно спрятаться от любого кошмара. Я верю. Обнимаю его так крепко, как будто он единственный якорь в бушующем море.

А теперь... где эта помощь?

Картинки, звуки, обещания — всё это блекнет, рассыпается в прах, как старая фотография. Тепло от его слов сменяется ледяным ожогом от его сегодняшнего взгляда. Щит оказывается картонным, а якорь привязанным к тонущему кораблю его новой жизни. Всё рассеивается, тает в темноте, из которой я не могу выбраться.

Глава 4

Вика

Я открываю глаза. Надо мной белый потолок. Пятна отсыревшей штукатурки складываются в причудливые узоры. И тишина. Гробовая, давящая, полная. Лишь отдалённый перезвон чего-то металлического исходящий откуда-то из-за двери.

— Мама! — хриплый крик вырывается из моего пересохшего горла прежде, чем я успеваю сообразить хоть что-то. Я вскакиваю на кровати. Мир на секунду уплывает в сторону, в висках заходится острая боль.

— О, Господи! Боже ж ты мой! — взвизгивает кто-то справа от меня. — Что ж ты так пугаешь, словно с того света сорвалась!

Поворачиваю голову. На соседней койке, укрывшись до подбородка одеялом, сидит пожилая женщина и смотрит на меня круглыми, испуганными глазами.

— Простите..., — выдавливаю я. — Моя мама? Как она? Вы не знаете?

— Это с операционной, которая? Шилова?

— Да, да, она, — киваю я, и голова снова раскалывается.

— Она... вроде как спасли её. Повозились там... ой, как повозились с ней, но спасли. Врачи оттуда вышли уставшие, как выжатые лимоны, — женщина цокает языком, качая головой. — Как бы им дежурство-то теперь доработать без происшествий.

— А я... я долго...

Я уже мечусь глазами по тумбочке, ищу телефон. Где телефон? Дети. Надо позвонить детям, узнать, где они. Паника, холодная и липкая, снова подползает к горлу.

— Долго я была без сознания?

— Да, от силы часок, наверное. Может, два. Не волнуйся ты так, — соседка машет рукой. — Обморок, сказали. Эмоциональное истощение! — она с важным видом задирает указательный палец вверх, будто только что поставила единственно верный диагноз.

— Спасибо, — откидываюсь назад на подушку и чувствую, как всё тело немеет от слабости, будто после тяжелой физической работы. Веки наливаются свинцом.

Но расслабление — ловушка. Как только я закрываю глаза, в голове появляется чёрная паутина. Обрывки. Бледное лицо мамы перед операцией. Красная лампочка: “ИДЁТ ОПЕРАЦИЯ”. Пронзительный звук тревоги из-за двери. Холодный голос Вани: “Твоя мать вечно выдумывает”. Синяя папка. Размашистая подпись. “Заявление о расторжении брака”. Двойня.

Получается, тётя Лида правда видела его в роддоме? И теперь он требует развода, потому что... потому что у него на стороне родилась двойня? От него?

Но... Как? Когда? Мы же... Мы, вроде бы... Нет, не может быть. Но пазл складывается с пугающей, мерзкой четкостью. Его поздние “работы”. Его отстраненность в последнее время. Его раздражение по любому поводу. Его новая, дорогая туалетная вода, которую он говорил, что купил “по акции”.

Смотрю на часы на стене. Два часа. Дети еще должны быть в школе, на продлёнке. Значит, у меня есть немного времени. Час, может, полтора. Надо встать. Успокоиться. Собрать себя по кусочкам, как разбитую вазу. Надо действовать.

С тихим стоном поднимаюсь, спуская ноги с койки. Пол холодный.

— Ты куда собралась?! — ахает соседка, приподнимаясь на локте. — У тебя ж капельница! Дождись лучше медсестру.

Смотрю на свою руку. Да, из вены торчит катетер, к нему подсоединена длинная прозрачная трубка, ведущая к пакету с физраствором, висящим на стойке.

— Ничего. Я сама ее найду, а капельница... я с ней, — говорю я больше себе, чем ей.

Аккуратно, дрожащими пальцами, снимаю систему с металлического держателя. Пакет тяжеловат. Я беру его в руку, как нелепый медицинский аксессуар. Делаю шаг. Потом другой. Ноги слушаются, но каждое движение даётся усилием воли. Выхожу в коридор. Он кажется бесконечным, погруженным в полумрак дежурного освещения. Надо найти лечащего врача мамы. Узнать, как она. А потом заняться своей жизнью.

И в этой жутковатой тишине, в полумраке больничного коридора, меня на полпути перехватывает низкий мужской голос. В нём слышится знакомая до боли усталость и какая-то странная, глубокая грусть.

— И куда это ты собралась в таком виде, Вика?

Глава 5

Вика

Голос... знакомый. Глубокий, с легкой хрипотцой, как от долгого молчания. Я медленно поворачиваю голову, капельница в руке болтается, угрожая вырвать катетер.

Передо мной стоит Сёма. Старый друг, с которым когда-то давно мы были неразлей вода, а потом разбежались по разным институтам. Теперь он в белом халате, надетом поверх темно-зеленого медицинского костюма. Лицо бледное от усталости, под глазами синева, но взгляд всё такой же пронизательный.

— Откуда ты тут? — мы произносим это почти одновременно.

— Я..., — я начинаю, но голос срывается.

— Я недавно перевелся в эту клинику. И только что закончил операцию, — говорит он первым, проводя рукой по лицу. — Очень долгую. Вроде плановая, но в какой-то момент все чуть не обернулось трагедией. Пришлось реанимировать пациентку прямо на столе. Как закончили вышел, чтобы глотнуть воздуха и сообщить родственникам, что операция прошла успешно, а тут ты на пороге. Буквально. Упала как подкошенная. Я только и успел подхватить тебя, чтобы ты окончательно не завалилась на грязный пол.

Пациентку. Реанимировали. Операция.

Слова будто складываются в голове, создавая пугающую, невозможную картинку. Ледяная догадка пронзает меня.

— Кого... Кого ты оперировал? — хрипло спрашиваю я, делая шаг к нему и хватая его за предплечье. Халат грубый, под пальцами. — Сёма, скажи, кого?

— Эй, полегче, — он мягко освобождает руку и его взгляд становится профессионально-оценивающим. — Тебе нельзя так нервничать. И стоять тоже. Дай сюда.

Он аккуратно забирает у меня пакет с физраствором, держит его на вытянутой руке, чтобы система не натянулась.

— Шилова Валентина Викторовна, — тихо говорит он, глядя мне прямо в глаза. — Это же твоя мама, Вик? Я же не мог ее спутать, правда?

— Моя мама..., — в носу начинает пощипывать.

Мир на секунду замирает, а потом обрушивается на меня волной облегчения, такой сильной, что я снова чувствую слабость в ногах. Но теперь есть на кого опереться.

— Это была моя операция, Вика. Я был на ней ведущим хирургом.

— Как она? Сема, ради всего святого, скажи мне, как она?

— Она в порядке, — его губы трогает едва заметная, усталая улыбка. — Она справились. Стеноз ликвидировали. Осложнение было серьёзное, но... мы её вытащили. Она крепкая, как и ты, — он смотрит на мою руку с катетером и вздыхает. — Хотя последнее утверждение сейчас под большим вопросом. Давай за мной. Тебе нельзя здесь торчать.

Он ведёт меня по коридору, минуя постовую медсестру, которая пытается что-то сказать, но, увидев Сёму, лишь разводит руками. Мы заходим в небольшой кабинет, заваленный бумагами. Он усаживает меня в кресло, вешает капельницу на крючок для верхней одежды, сам садится за стол.

— Всё прошло, в общем-то, по плану, пока не случилась тахикардия, а за ней и остановка сердца, — он говорит без прикрас, по-врачебному чётко. — Команда сработала слаженно. Сейчас твоя мама в реанимации, под наблюдением. Завтра, если всё будет стабильно, переведем ее в палату. Но, Вика, ей потребуются уход. Долгий. Возможно, на первых порах переезд к тебе. Нужно будет контролировать давление, препараты, ограничить ее подвижность, плюс диета...

Я киваю, слушая, но слова о переезде отдаются в висках тупой болью.

— Спасибо, — шепчу я снова. — Сёма, я не знаю, как тебя благодарить. Ты спас её.

— Вика, хватит, — он отмахивается, но в глазах теплеет. — Прекращай. Это моя работа. А вот твой обморок — это нехорошо. Зачем ты здесь осталась? Я думал, ты с мужем и детьми дома.

— Я приехала потому что... переживала. А потом..., — я замолкаю, глядя в окно.

— А потом упала в обморок, — договаривает он мягко, видимо, списав всё на стресс. — Понимаю. Иногда это все довольно волнительно.

— Да, — соглашаюсь я, и это не совсем ложь. — Сёма, скажи... С мамой всё будет хорошо?

— Если она будет следовать всем рекомендациям и у неё будет поддержка, то да. Всё будет хорошо.

“Поддержка”.

Слово обжигает. Я киваю, стараясь не думать о синей папке.

— Хорошо. Вика, давай так. Тебе сейчас надо домой. Отоспаться, прийти в себя. Потом уже думать о дальнейшем.

— Спасибо, — автоматически говорю я.

— Я же сказал, прекращай, — он улыбается, но встаёт с видом человека, принявшего решение. — Лучше скажи, что забрать из твоей палаты.

— Там сумка и больше ничего.

— Хорошо, сиди тут.

— Я пока вызову себе такси, — сдаюсь я. Он прав. Мне нет смысла сейчас здесь находиться, а вот детей надо встретить.

— В это время ожидание больше получаса. Твоя капельница закончится в ближайшие пару минут. Так что давай, я тебя отвезу? — предлагает он, хотя сам едва стоит на ногах.

— Ты?

— Ну да. Эта операция была последней на сегодня. Я свободен. И откровенно говоря, я не в состоянии больше сегодня оперировать. А твоя мама... за ней присмотрят. Но, Вика, — он делает паузу, глядя на меня довольно серьезно, — тебе надо поспать. И мне тоже. Я не понимаю, что с тобой происходит, но вижу, что ты на грани.

— А мама?

— Я не смогу ей помочь, если буду не в себе, а ты тем более. Так что давай, собирайся. Сейчас отправлю к тебе медсестру, чтобы сняли катетер.

Он прав. Безмерно прав. И в его словах, в этой заботе старого друга, есть такая надёжность, которой мне так не хватало сегодня.

— Да, ты прав. Прости, — соглашаюсь я, чувствуя, как последние силы покидают меня.

В машине Сёмы пахнет не кофе и не кожей от сидений, а антисептиком. Настоящий врачебный запах. Он молчит, сосредоточенно глядя на дорогу. Я вижу, как он устал, как тяжело ему далась эта операция... та самая, что спасла мою маму. И не донимаю его вопросами. Просто сижу, смотрю в окно на мелькающие огни, пытаюсь не думать о том, что ждёт меня дома.

Он останавливается у моего дома. Я смотрю на знакомый подъезд, на окна нашей квартиры на четвертом этаже.

— Ты доедешь? — вдруг спрашиваю я, глядя на его уставшее лицо.

— Да, — он кивает. — Мне отсюда не так уж и далеко.

— Напиши, как приедешь. У тебя же сохранился мой номер?

— Хорошо, я напишу тебе. И, Вика... отдохни, как следует, а я позвоню вечером дежурному и спрошу, как твоя мама. Не переживай за нее. Подумай пока о себе.

Я обнимаю его, быстро, по-дружески, чувствуя под пальцами грубую ткань его куртки.

— Спасибо, — шепчу ему на ухо. — За маму. И за то, что определили меня в палату, а не оставил лежать в коридоре. Я твоя должница.

— Не должница, — он хлопает меня по спине. — Давай, иди домой.

Я выхожу. Машина тихо урчит, пока я копаюсь в сумке в поисках ключей. Поднимаю голову, смотрю на окна нашей квартиры.

Сердце ёкает. Но мне надо зайти внутрь. Стены подъезда, знакомые до тошноты, лифт, тихий шелест двери. Я вставляю ключ в замок.

Я не знаю, что ждёт меня за этим порогом. Его собранные чемоданы? Скандал? Или просто холодное молчание человека, который уже подписал бумаги и мысленно ушёл. Я делаю глубокий вдох, толкаю дверь и переступаю порог своего дома, который, кажется, уже перестал быть моим.

Глава 6

Вика

Внутри нашей некогда светлой квартирki полный мрак. Ни света на кухне, ни голоса телевизора из гостиной. Я замираю на пороге, впуская в себя эту густую, нездоровую тишину. Волнение и страх, которые я пыталась затолкать поглубже в больницу и в машине Сёмы, вырываются наружу, сжимая горло. Делаю шаг, включаю свет в прихожей.

И сразу вижу его кроссовки. Аккуратно поставленные, как всегда, но не на полку для обуви, а прямо на пороге. Будто он зашёл ненадолго. Или будто готовится уйти навсегда и ему уже всё равно. Сердце сжимается в ледяных тисках. От реальности никуда не деться. Он здесь. И нас ждет повторение того разговора, который состоялся в больнице.

Снимаю свою обувь, движения медленные, автоматические. И стоит мне поставить их на полку, как я слышу шаги. Он выходит из гостиной. Вальяжной, расслабленной походкой человека, который находится у себя дома. На своём законном месте.

На его лице вселенская усталость, будто это он сидел у дверей операционной и не мог найти себе места, а не я. Но на нем нет ни тени беспокойства, сожаления или вины за сказанные не вовремя слова, за это заявление с его подписью, которое он сунул мне прямо в лицо, пока я сходила с ума. Только глубокая, преувеличенная усталость и... уверенность. Абсолютная уверенность в моей капитуляции. В том, что я сломлена и готова на всё.

— Ну что, как операция? — спрашивает он равнодушным, даже нейтральным тоном, прислонившись к косяку.

И на миг у меня в голове мелькает безумная мысль: “Мне всё показалось. Папка с заявлением, слова про маму — это кошмар наяву от стресса. Он заботится. Он не монстр. Он просто устал”.

— В порядке. Её спасли, — выдавливаю я, глядя куда-то мимо него, в полутьму коридора.

— Твою ж..., — шипит он, и в этом шипении не облегчение, а чистейшее, неподдельное раздражение. — Сколько уже можно? Вечно с ней что-то происходит. Всё рушится из-за её вечных болячек. А сколько денег мы уже вложили в её лечение? Да, там речь идет не о паре сотен, там все исчисляется десятками тысяч.

Шок от его слов не парализует, как раньше. Наоборот. Его слова проходят сквозь меня, как сквозь лёд, не оставляя следов. Я беру себя в руки, чувствуя, как по спине разливается холодная, ясная сталь. Подхожу к нему вплотную. Он выше, но я не отвожу взгляда.

— Не смей так говорить про мою маму. Ясно тебе? — произношу я по слогам, тихо, но так, что каждое слово повисает в воздухе, как лезвие. — Всё, до последней копейки, на её лечение вложила именно я. Из своих средств. Не ты.

— А могла бы вложить всё в семью, если ты не думала об этом.

— Она и есть моя семья.

— Да плевал я на нее. Хочешь и дальше вкладывать в нее деньги, пожалуйста, но уж как-то без меня, — отмахивается он, но в его глазах мелькает удивление. — Лучше одумайся по поводу развода и подпиши заявление. Уже глупо сопротивляться и унижаться, ты в курсе?

— Глупо? — спрашиваю я, отступая на шаг, чтобы видеть его целиком.

— Твоя упертость, и то, что ты сейчас пытаешься удержать меня возле себя, как последняя дура, выглядит жалко.

Я смотрю на него и вдруг понимаю. Он ничего не знает. Не знает, как надо разводиться. Не знает, как подавать заявление. Не знает, как надо вести себя, чтобы уйти с наименьшими потерями. Скорее всего, на него просто надавила его пассивность.

Может даже сказала прямым текстом что-то вроде: “Ты же хочешь видеться с нашими детьми? Так решай вопрос!”

И он, как послушный мальчик, взял папку и пошел требовать мою подпись, уверенный, что я, как всегда, сломаюсь.

— Я уже сказала, что не буду подписывать это, — говорю я, проходя мимо него. — Мы разведёмся только через суд.

— Суд? — он фыркает, идя за мной по пятам. — Не смей меня. Какой суд? Ты себя видела? Да я тебя оставлю с голым задом. Попробуй не подписать и увидишь, на что я способен.

Я не отвечаю. Скидываю куртку, вешаю на крючок и иду в сторону кухни. Усталость валит с ног, но отключаться нельзя.

— Дети еще не вернулись? — спрашиваю я, прислушиваясь к звукам квартиры.

— Еще нет, так что можем спокойно поговорить, — бросает он небрежно. — Пока, спокойно, Вика. Не испытывай мое терпение.

Иду на кухню, включаю свет. Открываю холодильник, достаю приготовленный с раннего утра суп. Ставлю разогреваться. Дети придут со школы и будут голодными. Это единственная ясная, правильная мысль в голове.

Он входит на кухню, заполняя собой пространство.

— Я сказал, мне нужен развод. Сейчас.

— Ты его получишь, — говорю я, помешивая еду, не оборачиваясь. Голос звучит странно, ровно. — Но на моих условиях.

— Какие ещё условия? — он внезапно хватает меня за плечо, резко разворачивает к себе. Его пальцы впиваются в кожу. — Прекрати делать вид, что ты заботаешься о детях! — рычит он прямо в лицо. — Ты знаешь, что они не наши!

Это удар ниже пояса. Не в живот, а глубже. Намного глубже. Это удар прямо в душу, в сердце, в самое святое, что у меня есть.

Воздух с силой вырывается из моих легких. Но вместо боли приходит ярость. Чистая, праведная, сжигающая всё на своём пути.

Глава 7

Вика

Это удар. Ниже пояса. Не в живот, а глубже. Намного глубже. Это удар прямо в душу, в сердце, в самое святое, что у меня есть. Воздух перехватывает. Но вместо боли приходит ярость. Чистая, праведная, сжигающая всё на своём пути.

— Не наши? — повторяю я, и мой голос вдруг становится тихим и опасным. Я выдергиваю руку из его хватки.

— А разве я не прав? Мы их усыновили! Взяли их из дома малютки! Или ты уже забыла? — яростно, с какой-то безразличностью, шипит он.

— Ты прав. Они не наши, — соглашаюсь я. — Они мои. Мои, Ваня. Несмотря на то, что именно ты настаивал на их усыновлении, чтобы “стать полноценной семьёй”. Они остались только моими. И то, что у тебя сейчас поворачивается язык говорить подобное, лишь доказывает то, что ты так и не смог стать им отцом.

— Потому что ты в этом виновата! — кричит он, теряя остатки самообладания.

— Я?

— А кто ещё? Они чужие люди, Вика! Мы их просто воспитывали! Как домашних питомцев! И они такими и остались! Я хотел своих детей! Всегда хотел. Чтобы они были моими по крови!

Я не выдерживаю. Вся усталость. Весь страх и пережитый ужас не позволяют мыслить разумно. Я поднимаю руку, и уже в следующую секунду кухню озаряет звонкий удар пощечины.

Не моргая смотрю на Ваню. Дышу ровно. В груди ни единой эмоции. В отличие от него. Он сопит. Дышит рвано. Он явно не думал, что я способна на нечто подобное. Я, всегда спокойная и уравновешенная, сейчас стою напротив него и у меня саднит ладонь от удара о его щечину.

— Ты отвратителен. Не смей так говорить про детей. Никогда. Ясно тебе? — говорю я, и, кажется, мой голос дрожит не от слез, а от холодного презрения. — Ты эгоистичен, и в тебе нет ничего святого. Так говорить о детях, которых мы растили столько лет. Которые тебя называют папой, которые постоянно что-то придумывают, чтобы нас порадовать... как ты вообще смеешь, так о них отзываться? Или ты считаешь, что раз теперь у тебя есть родные дети, то наших можно вышвырнуть на помойку, как какой-то мусор?

— А разве нет? — скалится он, и единственное, что я сейчас испытываю к этому человеку, это презрение. — Ты их растила, как своих, а не я! — он бьет кулаком по столешнице, тарелки звенят. — Я до сих пор смотрю на них и вижу в них чужаков! Они не мои! Никогда ими не были!

— Послушай меня сюда, — я делаю шаг вперёд, заставляя его отступить. — Ещё раз скажешь что-то про детей... , — мой голос срывается на низкой, хриплой ноте.

— И что ты сделаешь? — усмехается он, но в его глазах уже не та уверенность.

— Я найду, что сделать. А ты запомни раз и навсегда, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Не важно, кто родил детей. Важно, кто их вырастил, кто воспитал, кто был рядом с ними, когда они падали и вставали. И ты ещё поймёшь, что это значит. Иногда родные дети безжалостно отказываются от собственных родителей, а приёмные остаются с ними навсегда.

— Это всё бред! — перебивает он. — Бред для таких идиотов, как ты, которые свято верят в то, что можно полюбить чужих детей! Я не верю! Никогда не верил!

— А я не верю в тебя, — отвечаю я просто. — Зато в своих детях я уверена. Я люблю их. И они МОИ. Не приемные. Не чужие. Они мои, и останутся ими навсегда. Ясно тебе?

— А ты хоть раз задумывалась, почему у нас так и не получилось завести СВОИХ детей? Не приемных, а своих? — он говорит уже тише, с каким-то гадким, самодовольным шипением.

— Думала о том, что правда все это время, была в том, что проблема была в тебе? Не во мне. В тебе. Я доказал это. У меня родилась двойня. Двойня! — ядовито заявляет он. — Мои, здоровые дети. А ты... ты бракованная. Все эти годы всё было из-за тебя. Ты не позволяла мне стать отцом. Ты не смогла выполнить свою единственную функцию, как женщина!

Мир на секунду сужается до точки. До этого лица, с которого сорвана последняя маска. И я вижу не мужа, не отца, а мелкого, трусливого человека, который ищет виноватого вовне. Который готов растоптать шестнадцать лет жизни, чтобы оправдать свою подлость.

— И ты так свято в это веришь? — спрашиваю я почти с любопытством. — Что всё из-за меня?

— О чём ты говоришь?

— О том, что тебе пора, раз тебя здесь всё не устраивает, — говорю я, хотя на уме совершенно другое. Я хочу спросить, а его ли это дети на стороне? Откуда у него такая уверенность в том, что он их родной отец? Но я этого не говорю. Это уже его проблемы.

Выключаю газ. Накладываю в две тарелки горячий суп. Руки не дрожат.

— Послушай меня, — шипит он у меня за спиной, но в его голосе слышна надтреснутая нота. Ему не нравится этот сценарий. Он не контролирует ситуацию. — Мне плевать на этих детей. Поставь подпись и я уйду. К женщине, которая смогла выполнить свою функцию. К СВОИМ детям.

Я медленно поворачиваюсь к нему. На лице, наверное, нет никакого выражения. Только пустота. Та самая пустота, которая образовалась после его слов. Но в этой пустоте есть четкая ясность.

— Ты хочешь мою подпись? — улыбаюсь я. — Прекрасно.

Подхожу к стулу, беру эту проклятую синюю папку. Он замирает, наблюдая за каждым моим движением. Кладу папку на кухонный стол, открываю на последней странице. Беру ручку и ставлю размашистую, четкую подпись.

Карпина Виктория Дмитриевна. Рука не дрожит. Потому что внутри уже ничего нет. Только холод. Только решимость. Главное — мама. Главное — дети. Мои Матвей и Ариша. Всё остальное не важно.

Закрываю папку. Отталкиваю её в сторону.

— Забирай.

Он смотрит на папку, потом на меня. В его глазах появляется мгновенное торжество. Самодовольное, плоское. Он хватает её, лихорадочно открывает, находит мою подпись. Лицо расплывается в ухмылке.

— Умная девочка, — говорит он, и в его голосе снова появляются снисходительные нотки.

Я смотрю на него и понимаю, что не могу сказать о нем того же. Кто вообще разводится через ЗАГС, при наличии несовершеннолетних детей, пусть даже и приемных, но когда они оформлены на нас обоих?

— Всё могло бы быть гораздо хуже, поверь мне. Я мог бы устроить такой скандал...

Я не слушаю. Я смотрю на него, и меня охватывает не гнев, не обида, а ледяное, абсолютное спокойствие. Как у хирурга перед сложной операцией.

— Доволен? — спрашиваю я ровным голосом.

Он фыркает, засунув папку под мышку, как трофей.

— Давно бы так. Нечего было тратить время и нервы.

Он разворачивается и идёт к выходу уверенной походкой победителя. Не оглядывается. Не говорит “пока”, не предупреждает, когда заберет свои вещи. Он просто уходит, хлопнув входной дверью.

Глава 8

Вика

Я стою посреди кухни и слушаю, как в эту тишину медленно возвращаются звуки. Смотрю на закрытую дверь и понимаю. Он вернется. Совсем скоро. Когда поймёт, что подпись на заявлении — это не конец, а начало долгой, грязной борьбы. Когда его новая “полноценная” жизнь наткнется на суровые реалии алиментов, раздела имущества и общественного мнения. Когда его “двойня” потребует не только гордости, но и бессонных ночей, денег и ответственности, от которой он так лихо сбежал.

И мне надо быть к этому готовой. Собрать всё, что осталось от моей семьи, в крепкий кулак. Защитить детей. Вытащить маму. И выстоять.

На кухне пахнет едой. Слышу, как на лестничной площадке шелкает лифт, потом быстрые знакомые шаги, звонкий смех Матвея и сдержанный ответ Ариши. Ключ скребётся в замке.

Я похлопываю себя ладонями по лицу, сгоняя мертвенную бледность. Глубоко вдыхаю и иду их встречать. Надо улыбаться. Надо обнять их. Надо сказать, что всё хорошо. Что всё обязательно будет хорошо.

— Мам, а чего дверь опять не закрыта? — спрашивает Матвей.

— Потому что я тебе говорила с утра, что ты ее не закрыл, а ты стал спорить! — ворчит на него моя дочь.

— Привет, мои родные. Это я не закрыла. Недавно вернулась и, видимо, задумалась и забыла закрыть, — слышу я свой тёплый и живой голос, каким он был еще утром, до всего этого ужаса. — Идите мыть руки, обед на столе.

— А как же обняться? — выдает Ариша, по-детски, скрешивая руки на груди.

Я принимаю их в свои объятия, в этот хрупкий, но единственно верный мир, который мне теперь предстоит отстоять любой ценой.

— Другое дело! — улыбается она и утаскивает за собой брата.

— Мам, а как там бабушка? Ты же была у нее в больнице? — первым на кухню врывается Матвей с еще влажными руками.

— Операция прошла успешно, — говорю я, поглаживая его по спине, и смотрю на Аришу. Она стоит чуть в стороне. Ее внимательные глаза уже изучают мое лицо. — Не без происшествий, но ее спасли. Сейчас она в реанимации, под наблюдением врачей. Завтра, если всё будет хорошо, то ее переведут в обычную палату.

— Ой, как страшно. Бедная бабушка, — Ариша подходит, обнимает меня за талию, прижимается. — А ты там одна была? Папа не приезжал?

Вопрос повисает в воздухе колючим комом. Я делаю вид, что не слышу. Я просто не могу, глядя им в глаза, сказать, что он приезжал, но не для того, чтобы поддержать меня, а для того, чтобы растоптать окончательно.

— Я была не одна, повезло, что бабушкин врач оказался моим старым другом, — спокойно говорю я. — Он был её хирургом. Так что всё под контролем. Садитесь, кушайте, пока не остыло.

Они садятся, начинают есть. Но тишина за столом напряженная. Я чувствую их взгляды. Вижу, как Ариша украдкой смотрит то на пустое место папы во главе стола, то на меня. Как Матвей ковыряет ложкой в супе, вместо того чтобы есть.

Я пытаюсь есть суп, но ложка кажется свинцовой. Смотрю в тарелку, а вижу его самодовольную ухмылку, когда он схватил папку с моей подписью.

— Мама, — тихо, почти шепотом, произносит Матвей. Он первый всегда чувствует фальшь. — Что случилось? Ты... ты из-за бабушки такая? Или... или есть что-то ещё?

Ариша поднимает на меня глаза. В них нет детского испуга, есть трезвая, взрослая обеспокоенность.

— Он прав, мам. Не переживай ты так. Наша бабушка сильная, она всегда справляется со всем, — говорит она, и ее тонкая рука ложится поверх моей на столе. Она поглаживает костяшки моих пальцев. Этот маленький жест нежности почти добивает меня.

Я смотрю на них. На моего вспыльчивого, но чуткого сына и на мою мудрую, не по годам дочь. Они заслуживают правды. Не детской сказки про командировку, а честного разговора. Но как начать? С чего?

“Ваш папа ушёл к другой женщине, у него родилась двойня, а вы для него внезапно стали чужими”?

Нет. Нельзя вот так, с порога. Надо подумать. Выложить всё чётко, по делу. Без сглаживания острых углов, но и без лишней жестокости. Но времени на раздумья нет. Оно истекло.

— Мам, — голос Матвея снова выводит меня из оцепенения. Он поворачивает ко мне экран своего телефона. В его глазах чистое недоумение, смешанное с зарождающейся тревогой. — Объяснишь, как это понимать?

На экране сообщение от “Папа”.

“Привет. Срочно уезжаю в командировку. Надолго. Скажите спасибо вашей матери”.

Слова “скажите спасибо” горят на экране, как обвинение. Я читаю их, и внутри всё превращается в лёд. Он не просто ушёл. Он начал отдалять себя от детей. Создавать алиби. Закладывать в их неокрепшие умы мысль, что во всём виновата я. Что это из-за меня он “уезжает надолго”. За что? За то, что не сдалась сразу? За то, что посмела ему противостоять? Или просто ради того, чтобы еще раз побольнее меня ударить?

Ариша читает сообщение через плечо брата. Её лицо становится непроницаемым, каменным. Она смотрит на меня, ожидая объяснений.

Я поджимаю губы, чтобы не вырвалось что-то лишнее, чтобы не расплакаться от ярости и бессилия. Так вот как он играет. Ударил меня в спину, а теперь пытается метким выстрелом ранить через них.

— Это значит, — говорю я медленно, вынимая ложку из оцепеневших пальцев и кладу её на стол со звонким стуком, — что ваш папа решил от нас уйти.

Глава 9

Вика

Я не говорю “в командировку”. Я называю вещи своими именами. Вижу, как у Матвея округляются глаза. Ариша лишь чуть сужает свои.

— Уйти? Что это значит? Куда он собрался уходить? То есть насовсем? — выдавливают Матвей. — В смысле... то есть вы..., — не находит он слов.

— Я не знаю, насовсем ли. Но точно знаю, что надолго. И не по работе. В любом случае, если даже он вернется, то я уже не позволю ему остаться.

— Почему? — это уже Ариша. Её вопрос короткий, как удар кинжалом.

Вот он. Главный вопрос. И я не могу врать. Но и всю правду не могу им рассказать.

— Потому что так бывает, — говорю я, и мой голос, к моему удивлению, звучит ровно, хотя внутри бушует ураган. — Иногда взрослые люди понимают, что не могут больше жить вместе. Что они... стали разными. Или всегда были разными, просто не замечали. Иногда, кто-то находит новую любовь. И, к сожалению, подобное случается нередко.

— Получается, что он нас бросает? У него другая женщина? — Матвей говорит это громко, с вызовом, но в его голосе слышится детская дрожь.

Я смотрю на него. Сжимаю челюсти. Я должна признать это вслух. Должна рассказать им правду.

— Да. У него другая женщина, но он уходит от меня, — добавляю я твёрдо, ловя его взгляд, стараясь не ранить его еще сильнее. — Не от вас. Вы здесь ни при чем. Он..., — слово “ваш папа” застревает в горле. Уже не папа. Уже не наш. И уж тем более не после тех отвратительных слов, которыми он бросался в их адрес. — Он будет жить отдельно.

Это формальность. Пустые слова, которыми прикрываются, когда не знают, что сказать. Но я должна их произнести. Ради них. Нельзя вываливать на них всю правду разом. Они не справятся. Они подростки. Им и так сложно. Но хотя бы часть я должна рассказать.

— А за что тебе “спасибо”? — Ариша возвращает меня к сообщению. Её взгляд не отпускает. — Что ты такого сделала, что нам надо тебя благодарить?

Вот она, грязь, которую он закинул. Первая порция.

— Ничего, — отвечаю я честно. — Я не сделала абсолютно ничего плохого. Я просто... не стала мешать ему уйти так, как ему хотелось. Он хотел сделать все быстро и тихо.

— То есть он хотел уйти быстро и тихо, а ты что? Не пускала? — вскипает Матвей, встаёт из-за стола. Для него сейчас мир чёрно-белый. Либо ты за, либо против.

— Погоди, Матвей. То есть тебя волнует, отпускала ли его мама? А то, что он заявил об этом прямо сейчас? Когда маме больше всего нужна его поддержка, тебя это не смущает? Что он заявил о подобном, когда бабушка в больнице и может умереть в любой момент?

— Это тоже, но... почему так внезапно? У него же, наверное, были причины? Никто не рушит все одним днем! Даже, если у него другая, он же... нет... или..., — он теряется. Я вижу, как ему тяжело осознать всю реальность происходящего и ничего не могу с этим сделать.

— Я попросила его всё сделать по закону, — объясняю я, зная, что для тринадцатилетнего мальчика это пустой звук. — Чтобы всё было справедливо. Для всех. Для нас с вами тоже. А причины... я думаю, что они более, чем весомые.

Ариша молчит. Она переваривает информацию, складывая пазл. Её взгляд скользит по моему лицу, по опустевшему месту за столом, по окну.

— Он уже не вернется, да? — наконец спрашивает она. Не “он уехал”, а “он уже не вернется”. Она поняла всё с полуслова.

— Я не знаю наверняка, — снова говорю правду. — Но думаю, что... нет. Не вернется. По крайней мере, жить с нами он точно не будет.

Матвей с силой пинает ножку стула, потом резко поворачивается и уходит в свою комнату. Дверь захлопывается негромко, но звук отдаётся во всём доме. Он не плачет, он злится. Злится на весь мир, который в один день отправил его бабушку в больницу и отнял отца, ушедшего по “работе” к другой женщине.

Я смотрю на Аришу. Она сидит, сгорбившись, доедает суп, как будто ничего не произошло. Но я вижу, как дрожит её нижняя губа, как она слишком тщательно пережевывает каждый кусок.

— Мам, — говорит она, не поднимая глаз от тарелки. — А мы... мы остаёмся с тобой или... он заберет нас с собой? — её голос тихий, потерянный. И этот вопрос разбивает остатки моего спокойствия. Я встаю, обхожу стол, опускаюсь перед ней на колени, беру её лицо в ладони.

— Слушай меня, Ариша, — говорю я, заглядывая ей в глаза, чтобы она видела в моих каждое слово. — Мы — это ты, я и Матвей. Это наша семья. Мы всегда будем вместе. Никто и никогда не разлучит нас. Я обещаю тебе. Мы справимся.

Она кивает, прижимается лбом к моему плечу, и я чувствую, как по моей шее скатывается её теплая слеза. Я обнимаю ее, глажу по волосам, смотрю в пустоту коридора, ведущего к комнате сына.

К чему эта игра? Решил уйти — уходи. Но зачем напоследок закидывать грязью то место, где ты столько лет жил? Где говорил, что счастлив? Где растил этих “чужих” детей, заботился о них, отмечал их дни рождения, в которых теперь ты не видишь своих? Зачем стрелять в них такими вот трусливыми, подлыми смс-ками?

Ответ приходит сам собой. Потому что он слаб. Потому что он не хочет быть плохим в их глазах. Он хочет, чтобы плохой оказалась я. Чтобы они сами, постепенно, отдалились от меня, “поблагодарив” за развал семьи. Чтобы ему было легче. Чище. Так он снимает с себя вину.

Но он просчитался. Он не знает, насколько сильна связь между мной и детьми, которую он так яростно презирает. Он не знает, что я готова сражаться за них, даже если они не мои по крови.

Глава 10

Вика

В квартире висит тяжелое, густое молчание. Оно пропитано невысказанными вопросами, детской обидой, моей собственной оглушенностью. Я мою посуду, и звук льющейся воды кажется невероятно громким. Из комнаты Матвея доносятся приглушенные звуки игры. Он ушел в виртуальный мир, спасаясь от реального. Ариша закрылась у себя, сказала, что делает уроки, но я знаю, что она просто переваривает услышанное.

Мой телефон оживает. Вибрация разносится по мраморной столешнице, как тревожный сигнал. Смотрю на экран. “Семён”.

Вздыхаю с облегчением, которого сама от себя не ожидала. Хотя бы один голос из мира, не рассыпавшегося сегодня в прах. Вытираю руки и отвечаю на звонок.

— Привет, — говорю я, прислонившись к кухонному шкафу.

— Вика. Как ты? Удалось хоть немного поспать? — его голос низкий и усталый, но тёплый, как глоток чего-то крепкого и согревающего.

— Нет, — признаюсь честно. — Я ещё не легла. Как мама?

Слышу на другом конце лёгкий, почти невесомый вздох.

— Опять ты о своём. Она в полном порядке. Состояние стабильное, только что у дежурного всё узнал. Давление в норме, все показатели хорошие. Если так пойдёт и дальше, то завтра-послезавтра ее переведут в обычную палату. И ты сможешь ее навестить.

Это как разжать тиски на груди. Один, самый страшный груз, хоть немного, но облегчается. Я закрываю глаза, позволяя этому знанию проникнуть глубоко в меня. Хотя бы в больничных стенах всё стабильно и движется в правильную сторону.

— Спасибо, Сёма. Без тебя я бы, наверное, накручивала себя до сих пор.

— Не за что. Лучше скажи, как ты там сама? Голос у тебя... ужасный. Словно на тебе весь больничный корпус проехался.

Я пытаюсь что-то придумать, какое-то нейтральное объяснение, но в голову не лезет ничего. Пустота. Кажется, что даже мои эмоции атрофировались.

— Я... всё в порядке. Просто много всего навалилось, и дети вернулись, надо было...

— Вика, — он мягко перебивает меня. — Не надо. Я же вижу... то есть слышу. Не буду лезть, но ты... держись. Ты не одна, если что. Помни об этом.

Его слова: “ты не одна” отзываются внутри меня едва слышным эхом. Пока что я чувствую себя именно так. Абсолютно одной. Но его поддержка, простая и без лишних расспросов — это капля воды в пустыне.

— Спасибо тебе, Сёма. За то, что позвонил, сказал про маму и... за твою поддержку. Зная, что с мамой все хорошо, я... я хотя бы смогу заснуть нормально.

— Да не за что. Увидимся ещё. И выпишься, — его голос становится слегка строгим. — И я говорю тебе это не как друг, а как врач, который отчитает тебя, если ты завтра заявишься в больницу в том состоянии, в котором была сегодня.

На моих губах появляется что-то отдаленно напоминающее улыбку. Первая за сегодня.

— Договорились. Прямо сейчас приму душ и лягу.

— Вот и умница. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Сбрасываю вызов. На секунду в тишине кухни становится чуть светлее. Мама вне опасности. Делаю глубокий вдох, выдох. Телефон ещё лежит в руке. Экран гаснет, отражая мое усталое, осунувшееся лицо. Я уже собираюсь положить его на стол, как он снова оживает. Короткая вибрация, которая уведомляет о новом сообщении.

Лёгкая, почти невесомая улыбка снова трогает губы. Сёма, наверное, забыл что-то сказать. Наверняка опять напомним про сон. Я смотрю на экран, предвкушая это короткое “Спи”. Но имя на экране не “Сёма”. Там “Муж”.

Улыбка замирает. Палец сам нажимает на уведомление и открывается целая вереница сообщений. Пришедших одно за другим, словно он не мог остановиться, переполненный торжеством, которое нужно было немедленно излить.

“Видишь, как всё просто? Я же говорил”.

“Теперь я свободен. По-настоящему”.

“У моих детей будет настоящий отец. Тот, кто не будет смотреть на них как на чужих. А тех, которых мы усыновили, можешь оставить себе. Они мне и даром не сдались”.

Я читаю. Сначала одно, потом второе, потом третье. Читаю медленно, впитывая каждый слог, каждую расставленную точку, чувствуя сквозь экран его циничное, раздутое от собственной значимости торжество. И происходит странное. Той острой, режущей боли, что была днём, нет. Нет даже обиды. Есть холодное, острое презрение.

Он торжествует, получив подпись на бумажке. Он кричит о своей свободе, о том, каким “настоящим отцом” он станет для своей новой, чистой, “правильной” двойни. Но он даже не потрудился задуматься, что этим признанием в сообщениях про “чужих” “настоящий отец” он только подтвердил всё, что я поняла и так. Он сам выложил козыри в мою руку.

Он ещё даже не понимает, что своей подписью под заявлением и этими сообщениями он подписал не только развод, но и приговор себе в будущих судебных разбирательствах. Алименты. Раздел имущества. Определение порядка общения с Матвеем и Аришей, которых он только что назвал “не своими”. Он думает, что игра закончена, и он победил, а сам играет в песочнице, воображая себя стратегом.

Эта мысль о простом, холодном осознании его глупости даёт мне странные, новые силы. Не радостные, не злые. Собранные. Чёткие. Внутри что-то щёлкает, и я перестаю быть жертвой, упавшей в обморок у дверей операционной. Я становлюсь тем, кому теперь предстоит действовать.

Я не отвечаю. Я не хочу тратить на него свои силы. Я должна сейчас быть максимально собранной. Стойкой. Я просто обязана быть той, на кого каждый в этом доме может положиться.

Я подхожу к шкафу в прихожей, достаю с верхней полки большую спортивную сумку. Иду в ванную, собираю маме новую зубную щётку, пасту, мыло, новое полотенце. Всё это кладу в сумку. Возвращаюсь на кухню, кладу пачку её любимого чая. Это простое, понятное, физическое действие успокаивает. Каждая вещь — это шаг вперед, шаг ко дню, когда я увижу её и смогу сказать:

“Всё будет хорошо”.

И это будет не ложь. А уже завтра я позвоню юристу. Пользуясь его глупостью, я начну строить свою линию защиты. Завтра я еще раз поговорю с детьми. Возможно, расскажу им про то, что у их отца помимо другой женщины есть теперь и другие дети. А сегодня... Сегодня мне нужно принять душ. Смыть с себя этот день. И лечь спать.

Потому что завтра начинается новая жизнь. И в этой жизни мне понадобятся все силы.

Глава 11

Вика

Я просыпаюсь от непривычной, давящей тишины. Рядом не слышно его размеренного дыхания, не слышно скрипа кровати, когда он ворочается. Голова странно легкая, пустая, будто всё, что случившееся вчера, было лишь тяжелым, кошмарным сном. Я на секунду закрываю глаза, надеясь, что когда открою их, всё вернется на свои места.

Но нет. Я поднимаюсь, смотрю на пустую, идеально заправленную половину кровати, на тумбочку, с которой исчезли его часы. Это не сон.

Потягиваюсь, поворачиваясь к окну, и тут же вскакиваю. За окном уже светло. Хватаю телефон с тумбочки. Десять часов.

— О, Боже! Я так долго проспала! Дети! Их надо накормить, собрать в школу! Надо что-то приготовить.

Я выскакиваю из комнаты, на ходу накидывая халат, но сделав всего несколько шагов, застываю на пороге кухни. Дети уже там. Матвей и Ариша стоят у плиты. Они не просто болтают, а что-то делают. Газ включен, по кухне разносится легкий аромат жареного яйца.

— Да я тебе говорю, что готово, не спорь! — шипит Ариша на брата, стоя у плиты в моем фартуке, который ей явно велик.

— А если нет? Там же белок должен быть не такой! — Матвей стоит рядом и указывает пальцем на сковороду.

— Я девочка, я знаю, как готовить!

— Раз такая умная, то выключай! — парирует он.

Я смотрю на них и невольно улыбаюсь. Этот бытовой, глупый спор — звук нормальной жизни. Звук, который, казалось, навсегда заглушило вчерашнее хлопанье двери.

— Это что вы такое делаете? — спрашиваю я.

Они оба замирают, словно я застала их на месте преступления, и синхронно опускают глаза. Потом Ариша, поборов смущение, с важным видом подходит ко мне и протягивает сковороду.

— Яичница. С сыром и помидорами. Мы... подумали, что после вчерашнего ты устала. А с утра будешь голодная и...

Я осторожно касаюсь края сковороды. Она еще теплая. Яичница... местами подгоревшая, сыр расплавился неравномерно, помидоры выглядят как каша, но это самое прекрасное блюдо, которое я видела за последнее время.

— Спасибо, — говорю я, и голос дрожит. — Выглядит очень аппетитно.

— Правда? — Матвей поднимает на меня глаза. В них блестит робкая надежда, что они всё же справились.

— Правда, — киваю я и отворачиваюсь к столу, чтобы скрыть лицо.

Я стараюсь не расплакаться. Держу себя в руках из последних сил. Но в груди всё рвёт на части от этой неловкой, искренней заботы и от жгучего осознания, что тот, кто должен был быть здесь, кто должен был завтракать с нами, сбежал.

Они выкладывают свое творение на тарелку. Ставят передо мной. Я ем. Каждый кусок этой пересоленной, но приготовленной с такой любовью яичницы отправляется в рот. Я пережевываю, глотаю. Отламываю еще один кусочек.

— Вкусно, — хвалю я их, доедая последний кусочек. — Спасибо вам, мои родные. Вы меня очень выручили.

Они светятся от гордости.

— Мне нужно сегодня съездить в больницу к бабушке, — говорю я, убирая тарелку в раковину и уже включая воду, чтобы ее вымыть.

— Я сама! — тут же втискивается между раковиной и мной, Ариша.

— Уверена?

— Более чем. С тебя и так хватит. Мы с Матвеем не маленькие, справимся.

— Она права, мам. Кто-то же должен тебе помогать! — гордо выдает сын, но я вижу, что им обоим ничуть не легче. Они просто не показывают своей боли, а возможно просто пытаются держаться. Ради меня. Ради того, чтобы я не переживала за их состояние, хотя как это возможно? Я все равно буду волноваться за них.

— Спасибо, дорогие. Я хочу узнать, как там бабушка, может, уже смогу её увидеть.

— Хорошо, — согласно кивает Ариша. — Позвони, если нам можно будет приехать и провести ее. А пока мы сами уйдём в школу. Ключи у нас есть.

Я смотрю на них и понимаю, что они действительно взрослеют не по дням, а по часам. По крайней мере сейчас они не устраивают истерик, не кричат, что я во всём виновата, как сделали бы многие на их месте.

Хотя, возможно, они ещё просто не до конца осознали масштаб катастрофы. Или осознали, но инстинктивно сбились в стаю, понимая, что теперь нам всем нужно держаться друг за друга, чтобы не рассыпаться в прах.

Глава 12

Вика

Я еще раз проверяю сумку с вещами для мамы. Пижама, халат, туалетные принадлежности. Все на месте. Хватаю ее и еду в больницу.

Еду с пустотой внутри и смутной надеждой, что сегодня она придет в себя. А если нет, то я хотя бы поговорю с врачом и точно всё узнаю. Закончу сначала с больницей, а потом возьмусь и за свою жизнь. Попробую все осознать, расставить по полочкам. Взять под контроль в конце концов.

В больнице сразу нахожу медсестра в послеоперационном отделении. Узнав, кто я, она улыбается.

— Шилова — ваша мама?

— Да. Все верно.

— Ее уже перевели в обычную палату. Час назад она полностью пришла в себя, спрашивала про вас. Состояние стабильное, слабость, конечно, еще присутствует, но это нормально.

Слёзы наворачиваются на глаза, но теперь это слезы облегчения. Моя мама. Она в порядке. Она справилась.

— Вы можете ее навестить.

— Спасибо.

Я тут же срываюсь с места. Ищу нужную палату. В груди зияет дыра, но она постепенно стягивается. Мама в порядке. Она здесь. Со мной. А значит, все будет хорошо.

Замираю у нужной двери. Делаю глубокий вдох и осторожно приоткрываю ее, заглядывая в образовавшуюся щель. Мама спит. Лицо бледное, осунувшееся, но дыхание ровное.

Я прохожу, сажусь рядом, беру её холодную руку в свою. Сажу так, может, полчаса, просто глядя на неё, слушая звуки больницы за дверью. Успокаиваюсь. Потом аккуратно раскладываю её вещи на тумбочке, оставляю записку:

“Мама, я здесь. Всё хорошо. Вика”.

Пока она спит, я выхожу в коридор и нахожу тихий уголок у окна. Достая телефон. Пора разобраться и в своей жизни. В поисковике ввожу запрос: адвокат, семейное право, развод, дети.

Теперь, когда мама в порядке, у меня есть цель. Не просто пережить боль предательства. Цель сместилась. Она теперь звучит так: “Начать борьбу. За детей. За наше с ними будущее. Пока мой муж не начал вставлять палки в колёса, после того, как узнает, что с детьми развод возможен только через суд”. Я составляю короткий список адвокатов из трёх фамилий с высокими рейтингами и подробными отзывами. Но прежде, чем заниматься этим вопросом, необходимо позвонить на работу. Набираю знакомый номер и замираю, в ожидание ответа.

— Алло, Вика? — голос начальницы, Натальи Сергеевны, привычно-деловой. — Как твоя мама?

— Маму прооперировали. Сегодня перевели в палату. Наталья Сергеевна, маме потребуется уход в первое время, или хотя бы до момента, пока я не найду ей хорошую сиделку. И... еще некоторые обстоятельства. Можно мне взять отпуск? Я понимаю, что срываю...

— Вика, успокойся, — перебивает она, и в её голосе слышится не раздражение, а беспокойство. — Ты вчера так и не вышла на связь, я начала волноваться. Конечно, бери. На сколько тебе нужно?

— Сегодня-завтра точно. А дальше... я пока не знаю. Может, на неделю нужно будет оформить. Я готова взять отпуск за свой счёт.

— Оформляй что нужно через систему, я всё подпишу. С мамой точно все хорошо?

— Вроде бы лучше. Спасибо вам большое.

— Держись, Виктория. Если что, звони.

Я сбрасываю. Теперь я свободна на весь день. И принимаюсь искать адвоката уже всерьёз. Детально изучаю каждый отзыв, смотрю специализацию. Выписываю телефоны. Первый звонок. Тонкий, безразличный женский голос сообщает, что запись на консультацию через три недели. Сбрасываю.

Второй номер. Мужчина. Голос спокойный, внимательный.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте. Мне срочно нужна консультация по бракоразводному процессу. Есть дети. И еще... некоторые осложняющие обстоятельства со стороны супруга.

— Понимаю. “Срочно” — это когда?

— Вчера я подписала заявление на развод через ЗАГС. И вчера же выяснилось, что у него... другая семья. С детьми. И он уже начал оказывать психологическое давление на наших детей.

На другом конце короткая пауза.

— Но через ЗАГС не...

— Я знаю, но не стала ему говорить, чтобы выиграть себе немного времени.

— Хорошо. Запишите адрес. Сможете подъехать сегодня в два? Я освобожусь примерно к этому времени.

— Да. Да, конечно. Спасибо.

Записываю адрес в заметки. Взгляд падает на дверь палаты мамы. Из-за неё доносится слабый, хриплый голос.

— Вика...

Я собираю всю свою волю в кулак. Осталось успокоить маму, и можно ехать к адвокату, надеясь на то, что он окажется тем самым, кто сможет помочь мне.

Глава 13

Вика

— Мама, я здесь, — говорю я, быстро возвращаясь в палату и присаживаясь на край кровати. Беру её руку. Она такая лёгкая, почти невесомая.

Мама медленно открывает глаза. Взгляд затуманенный, но уже осознанный. Она смотрит на меня, и её глаза, несмотря на слабость, сразу становятся пристальными, изучающими.

— Викуля..., — её голос хриплый, едва слышный. — Расскажешь?

Я делаю самое глупое, что можно сделать при матери — пытаюсь соврать.

— Я в порядке, мам. У меня всё хорошо. Главное, что ты здесь, что операция позади. Теперь ты поправишься.

Она сжимает мою руку чуть сильнее. В её слабых пальцах чувствуется удивительная сила.

— Вика, — говорит она тихо, но чётко. — Дело же в Ване, да? Он что-то сделал?

Сердце ухает куда-то в пятки. Она всегда видела меня насквозь. Даже сейчас, в полубессознательном состоянии, она уловила то, что я пыталась скрыть за дежурной улыбкой.

— Мам, не думай об этом. Не трать силы. Всё наладится.

— Вика, — она смотрит мне прямо в душу, и в её глазах нет ни капли рассеянности, только горькая, старческая мудрость. — Я старая, но не в маразме. Его здесь нет. Когда он должен был быть рядом, поддерживать тебя. Значит, у него есть что-то или... кто-то... важнее, чем ты. Важнее семьи.

Я молчу. Глотаю ком, вставший в горле. Я не могу. Не могу сейчас вываливать на нее весь этот кошмар про его двойню, папку с разводом, его слова о “чужих” детях. Она ещё слишком слаба. Её сердце только что чуть не остановилось на операционном столе. Ещё один удар может стать последним.

— Так, а ну прекратите тут болтать! — нас прерывает спокойный, но властный голос в дверях. В палату входит Семён в белом халате, с планшетом в руках. — Я кому с утра сказал беречь силы?

Он подходит к койке, его взгляд мягко скользит по моему лицу, а потом переходит на маму. В его появлении мое спасение. Он меняет тему, берёт ситуацию в свои профессиональные руки.

— Ну как наша пациентка себя чувствует? — спрашивает он у мамы, уже касаясь своей рукой ее запястья, чтобы проверить пульс.

— Выжила, доктор, — пытается пошутить мама, но голос всё такой же, слабый.

— Вижу, вижу, — кивает Семён, делая пометки в планшете. — А теперь самое главное. Спать и набираться сил. Иначе я повышу дозу снотворного. Для скорейшего выздоровления.

— Какого выздоровления? — вдруг спрашивает мама, и её вопрос повисает в воздухе острым, неудобным клинком. — Чтобы снова лечь на ваш стол через год?

Моё сердце сжимается. В её голосе не страх, а какая-то страшная, усталая обреченность. Она не верит, что это конец.

Семён не теряет. Он кладёт руку ей на плечо.

— Чтобы жить дальше. Чтобы смотреть, как растут внуки. Вот и всё лечение. А теперь отдыхайте. Я серьёзно, — он поворачивается ко мне. — Вика, на пару слов.

Мы выходим в коридор. Он отводит меня чуть в сторону. Недалеко от палаты, но так, чтобы наш разговор невозможно было услышать из палаты.

— Я тебе говорил выспаться. А не приезжать ни свет, ни заря.

— Я и так проспала до десяти утра, — парирую я.

— Ладно. С тобой бесполезно спорить, — вздыхает он. — Давай вернемся к твоей маме. Её показатели стабильные, это хорошо. Но..., — он делает паузу, глядя на меня с тем же про-

фессиональным вниманием, что и на маму. — Ты же видишь, что ей потребуется уход. И будет непросто. Это не две недели, и готово. Это надолго.

— Я знаю. Меня предупреждали, — киваю я, глядя куда-то мимо него, в пустой коридор. — Я готова.

— Вика, у тебя семья, — мягко напоминает он. — Это сложно. Я не говорю тебе отказаться от нее, но пойми, на какой риск ты идешь. После такого... после таких нагрузок и постоянного стресса многие семьи распадаются. Не каждый мужчина выдержит, когда все внимание и силы жены будут отданы больной матери.

Он говорит это из лучших побуждений. Он не знает. Он не знает, что моя семья уже распалась. Что мужчина, который должен был “выдержать”, не просто не выдержал. Он сбежал заранее, обзаведясь заменой.

— А у меня и нет больше семьи, — говорю я ровным, почти бесцветным голосом, возвращая взгляд к нему. — Есть дети. Я. И моя мама. Больше никого.

Я вижу, как его лицо меняется. Понимание загорается в его глазах, а за ним следует что-то похожее на боль. Он всё сложил. Моё состояние вчера, отсутствие мужа, этот надтреснутый голос сейчас.

— Вика..., — начинает он, но я перебиваю. Мне не нужно сочувствие. Мне нужны факты.

— Семён, я не оставляю маму в доме престарелых. Не запру её в больнице или ещё в каком-то уходевом центре. Она моя мать. И я буду с ней до конца. Пока смогу. Так что говори прямо, что мне делать.

Он смотрит на меня несколько секунд, словно оценивая меня саму. Потом кивает, и в его взгляде появляется уважение.

— Хорошо. Тогда тебе потребуется много терпения. И помощь. Хотя бы на первое время, когда она выпишется. Сиделка, возможно. Я буду держать тебя в курсе её состояния. Но, Вика, — он снова становится строгим доктором, — дай маме восстановиться. Слишком долгое посещение я крайне не рекомендую. Эмоции, даже хорошие, — это тоже нагрузка.

— Я оставила ей вещи, — говорю я.

— Хорошо. Я попрошу одну из медсестер присмотреть за ней, не волнуйся.

— Спасибо, — говорю я, и это слово уже звучит как ритуальное заклинание между нами. — За всё.

Я оборачиваюсь и ухожу по длинному коридору, не оглядываясь. Чувствую его взгляд на своей спине. Но думать об этом сейчас нельзя. У меня назначена встреча. Встреча, от которой зависит слишком многое.

Я покидаю это серое, пропахшее антисептиком здание и делаю глубокий вдох холодного уличного воздуха. Он обжигает лёгкие, но прогоняет больничное оцепенение.

Встреча с адвокатом. Через час. Я не могу её пропустить. Это не просто консультация. Это первый шаг в новую, незнакомую и пугающую реальность, где мне предстоит стать не просто Викой, матерью и дочерью, а истцом, защитницей, стратегом.

Я достаю телефон, сверяю адрес, ловлю такси. По дороге листаю заметки с вопросами, которые составила утром: “алименты”, “раздел имущества”, “определение места жительства детей”, “порядок общения с отцом”, “доказательства измены и психологического давления”.

Каждый пункт — это гвоздь в гроб наших совместных лет. Но я не могу позволить себе думать об этом. Только действовать. Потому что пока я буду плакать над прошлым, он уже выстроит новое будущее с другой. А мои дети и моя мама нуждаются во мне здесь и сейчас. Сильной. Собранной. Несломленной.

Такси останавливается перед строгим зданием в бизнес-центре. Я расплачиваюсь, поправляю сумку на плече и делаю ещё один глубокий вдох.

— Начнем, — говорю я себе беззвучно и толкаю тяжелую стеклянную дверь.

Глава 14

Вика

Кабинет адвоката. Всё в нём говорит о холодной, беспристрастной эффективности. Минималистичная мебель цвета стали, ни одной лишней безделушки, только стопки аккуратных папок, монолитный компьютер и большая, почти пустая поверхность стола. Здесь нет уюта. Здесь есть только дело.

Адвокат, Сергей Александрович, оказывается мужчиной лет пятидесяти. Подтянутый, в идеально сидящем костюме, с аналитическим взглядом. Он не улыбается. Он оценивает. Его рукопожатие твёрдое и короткое.

— Садитесь, Виктория, — говорит он, указывая на кресло напротив. — Рассказывайте. Только факты. Даты, события, документы.

Я сажусь, кладу сумку на колени и начинаю. Говорю коротко, отрывисто, стараясь не утонуть в эмоциях. Операция мамы. Его появление в больнице. Синяя папка. Его слова о двойне. Моя подпись. Его торжествующие сообщения. Слова о том, что мои дети для него чужие.

Сергей Александрович слушает, не перебивая. Время от времени делает короткие пометки в блокноте. Его лицо остаётся непроницаемым.

Когда я дохожу до момента с подписанным заявлением, его бровь едва заметно вздрагивает.

— У вас с собой копия этого заявления? Или оригинал? — спрашивает он первым делом.

— Нет, оригинал он забрал. Но... я, кажется, сфотографировала это на телефон, — говорю я, понимая, насколько это было инстинктивно верно, но неосознанно.

— Покажите.

Я достаю телефон, нахожу снимок, протягиваю ему. Он изучает изображение несколько секунд, потом отодвигает телефон и... усмехается. Сухо, беззвучно, но в этом звуке целая гамма профессионального презрения.

— Поздравляю, — говорит он, глядя на меня. — Вы только что получили в свои руки, возможно, самое ценное доказательство на первых порах.

Я смотрю на него, не понимая.

— Это же моя подпись.

— Он мог подать его и без вашей подписи, это не бракоразводный процесс по взаимному согласию в ЗАГСе, — поправляет он меня, и его голос звучит как лекция. — Он хотел подать заявление о расторжении брака. А это, судя по дате на бланке, который вы подписали, стандартная форма, которую ему дали скачать в интернете или взяли в юридической конторе низкого пошиба. Ваша подпись на этом этапе не требуется для подачи заявления, учитывая возраст ваших детей. Она нужна только в случае совместного заявления в ЗАГС. Он просто заставил вас расписаться там, где это было не нужно, чтобы создать у вас иллюзию свершившегося факта, и у себя чувство победы.

Он делает паузу, давая мне осознать.

— То есть... я изначально была права и это заявление не имеет никакой юридической силы, — спокойно произношу я.

— Как документ для немедленного развода — да. Он не имеет абсолютно никакой силы. Но как доказательство оно бесценно. Это материальное подтверждение его намерения развестись, его давления на вас в стрессовой ситуации, когда вы были уязвимы, у дверей реанимации с матерью. И, что самое главное, это демонстрирует его юридическую некомпетентность и готовность идти на манипуляции. Судьи такое не любят. Это золото, Виктория. Теперь он думает, что вы в его ловушке. На самом деле — он попал в вашу.

В его словах нет злорадства. Есть холодная констатация факта. И от этого они звучат ещё убедительнее. В груди, вместо паники, начинает разгораться странное, осторожное чувство не надежды, а первого проблеска контроля.

— Что мне делать дальше? — спрашиваю я, и мой голос уже звучит чуть твёрже.

— План прост. Первое: молчать. Не сообщать ему, что вы консультировались с адвокатом. Не вступать в переписку, провоцирующую конфликт, но и не игнорировать. Сохранять всё. Все его сообщения, особенно вот эти, — он кивает на мой телефон, — про “чужих детей” и “настоящего отца”. Это ключевое. Второе: нужно по возможности зафиксировать факт его сожительства с другой женщиной и наличие у него других детей. Свидетельские показания вашей... тёти Лиды о встрече в роддоме — уже хорошее начало. Нужны будут её контакты. Фотографии, чеки, что угодно, что связывает его с этим новым адресом. И третье: подготовить наши встречные требования. Алименты на ваших детей, раздел имущества, определение их места жительства с вами.

Он смотрит на меня, оценивая мою реакцию.

— И я думаю, вам стоит подготовиться к психологической атаке. Обычно те, кто получает “согласие” так быстро, не сразу бегут подавать иск. Их шаблон рушится. Они ожидали сопротивления, слез, борьбы. Ваше спокойствие и молчание его взбесят. Он начнёт давить. Звонить, писать, может, даже угрожать. Ваша задача не поддаваться. Фиксировать. Передавать мне.

Он открывает папку, достаёт несколько бланков.

— Если мы с вами продолжаем сотрудничество, то я начинаю подготовку к подаче заявления в суд от вашего имени. Вам нужно будет собрать пакет документов: копии паспортов, свидетельств о рождении детей, свидетельство о браке, документы на имущество, ваши справки о доходах. Договор на мои услуги я отправлю вам на электронную почту сегодня. Если согласны с условиями, то можете связаться со мной любым удобным способом.

Он говорит чётко, по делу. Но в его холодной профессиональности сквозит какая-то... порядочность. Он не сулит золотых гор, не подначивает на месть. Он просто обрисовывает ситуацию.

И тут во мне просыпается последний сомневающийся голос. Голос женщины, которую только что предал самый близкий мужчина.

— А вы..., — начинаю я, глядя ему прямо в глаза. — Вы не встанете на его сторону? Из... мужской солидарности?

Сергей Александрович откладывает ручку. Его взгляд становится чуть менее строгим. Он не обижается. Он, кажется, даже ожидал этого вопроса.

— Ох, нет, — говорит он мягко. — Виктория, в своей практике я руководствуюсь законом и интересами клиента, который обратился ко мне за защитой. А солидарность..., — он делает небольшую паузу. — Видите ли, я сам женат более тридцати лет. И ни разу за это время у меня не возникло мысли предать свою супругу или нашу семью. Я сам её выбрал когда-то. И я несу за этот выбор ответственность каждый день. Поэтому то, что сделал ваш муж, для меня — не “мужская солидарность”. Это слабость. И глупость. С которой, при вашем грамотном подходе, мы легко справимся.

В его словах нет фальши. Есть принцип. То, чего так катастрофически не хватило Ване. Я киваю, беру визитку, которую он мне протягивает, и поднимаюсь.

— Хорошо. Я согласна. Я вышлю подтверждение сегодня. И начну собирать документы.

— Отлично! — он встает и пожимает мне руку. — И помните главное: не действуйте на эмоциях. Каждый ваш шаг теперь должен быть обдуман. Вы ему больше не жена. Вы сторона в судебном процессе. Ведите себя соответственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.